

**НИКОЛАЙ II КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ
В ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДАНИИЛА ХАРМСА
«КОМЕДИЯ ГОРОДА ПЕТЕРБУРГА»
И «НИКОЛАЙ II: Я ЗАПЕР ДВЕРЬ...»**

В статье анализируется образ Николая II как исторического персонажа в пьесах Д. Хармса «Николай II: я запер дверь...» и «Комедия города Петербурга». Особое внимание уделяется раскрытию этого образа как части петербургского мифа – в соответствии с пятью основными критериями, выделенными нами, производится сравнительный анализ мотивной структуры драмы, оппозиций двух текстов.

Ключевые слова: исторический персонаж, оппозиция, Николай II, пьесы, демифологизация.

Персонажи драматических произведений Даниила Хармса отличаются специфическими свойствами, которые определяются авангардистской эстетикой автора и соотносятся с создаваемой им моделью мира.

Персонаж произведений Даниила Хармса, по мнению «чинаря» Якова Друскина, «недочеловек» [Друскин 1999: 112–113], это определение, записанное Друскиным в дневниковых записях, подсказывает нам, что герой Хармса, часто распадающийся, переживающий падения и даже смерть, не обладает индивидуальными чертами, он их лишен. Антропонимы, которые чаще всего использует автор довольно распространены в русском обществе: имена, например: Петр Николаевич и Иван Иванович («Елизавета Бам»), Андрей Семенович («История сдыгр аппр», «Математик»), Николай Иванович («О явлениях и существованиях»), а также простые фамилии: Воробьев, Трубочкин, Карпов, Стручков и другие. Соответственно, на первый план выдвинута не личность героя, а ситуация, происходящая с ним. Подтверждение своей мысли находим в диссертационной работе Е.Е. Саблиной «Поэтика Д. Хармса»: «Для Хармса не имеют большого значения имена персонажей, т. к. ему более важно поднять какую-либо проблему, поэтому его произведения столь коротки, но в

каждом есть намек на что-то актуальное» [Саблин 2004: 8]. Реально существующие лица также становятся персонажами произведений Хармса, например: Пушкин и Гоголь, Достоевский, Толстой, Введенский, Хлебников, Липавский, Шварц и другие, но их личности также не имеют значение, они демифологизируются и являются, например в «Анекдотах из жизни Пушкина», искажением образа, насмешкой над сознанием массового читателя. Также в драматических произведениях появляются реальные исторические личности, так, например, в «Комедии города Петербурга» и драме без заглавия «Николай II: я запер дверь...» присутствует Николай II, являющийся главным действующим лицом в двух произведениях, а также его жена и подчиненные – узнаваемый образ последнего русского императора влияет на восприятие произведения.

Современные исследования, посвященные анализу драмы Даниила Хармса, не затрагивают аспект сопоставительного анализа действующих лиц этих драматических произведений. При анализе исторического персонажа в пьесах мы опирались на исследования в области литературного героя, образа и персонажа М.М. Бахтина, С.Г. Бочарова, Л.В. Чернец и Л.Я. Гинзбург, где понятие «персонаж» становится синонимичным к «герою» и «образу», а также является серией «последовательных появлений одного лица в пределах <...> текста» [Гинзбург 1979: 8]. В труде Л.Я. Гинзбург о литературном герое указан особый статус героев реальных: «Особое положение <...> занимают подлинные лица, введенные в вымышленный контекст, – например, исторические персонажи романов. От своих соседей по контексту они также отличаются тем, что читатель знает о них независимо от писателя...» [Гинзбург 1979: 8]. Действительно, образ Николая II в двух пьесах Хармса, несмотря на его преломление в драме абсурда, демифологизацию, отвлеченность от реального исторического лица, нахождение вне реального исторического времени и пространства, содержит в себе атрибуты реального мира, которых в произведении может и не быть (при прочтении только лишь номинации в восприятии появляются Петербург, управление государством, Зимний дворец,

императорская власть и т.д.). Так функционирует петербургский текст, который связан с историческими мифологизированными преданиями, связанными, по В.Н. Топорову, «с императорами, видными историческими фигурами, персонажами покровителями, святыми в народном мнении и т.п. (Петр, Иоанн Антонович, Екатерина II, Павел, Александр I, Николай II; Меншиков, Аракчеев, Распутин; Ксения, Иоанн Кронштадтский и др.)» [Топоров 2003: 130].

Система смыслов, которые образуют концептуальное пространство петербургского текста, сформировалась в результате изображения Петербурга в двух полярных позициях: эсхатологической и одической. В пьесах Даниила Хармса образ заглавного героя, Николая II, представляется также через оппозиции. Этот исторический персонаж впервые появляется во второй части пьесы «Комедия города Петербурга», датируемой 1927 годом (первая часть комедии отсутствует, также нет и афиши произведения). Герой ведет диалог с Петром I около реки Невы – обе исторические личности в драме представители Петербурга в оппозиции «Петербург/Ленинград» – Николай II находится не в свое время, именно поэтому он видит себя в качестве царя (используется номинация, которая подразумевает снижение образа за счет отождествления с минувшем временем): *благословенна ты Российская держава//а я твой **царь** и Бог и властелин* [Хармс 2015: 372]. Прошлое в пьесе терпит поражение: потоп (предположим, Нева, вышедшая из берегов, следуя традиции петербургского текста) смывает представителей Петербурга: *Летит волна, за ней другая / **царицу** куклой кувыркая / козлиный комкая платок / **царя** бросая в потолок* [Хармс 2015: 413].

При этом отметим, что в пьесе, датируемой 1933 годом «Николай II: я запер дверь» Николай II также в монологе провозглашает себя царем: *Ты, солнце, – лев, планет владыка, // ты неба властелин. Ты – царь. // Я тоже царь...* [Хармс 2015: 472]. Несмотря на отсутствие оппозиции прошлого и настоящего, можно проследить другое противопоставление небесного и земного: Николай II имеет «небесного родственника» – «солнце», он полетит к нему, попрощавшись с землей: *Взмахну крылами и на воздух, // с землей простившись, отлечу.*

Интересно, что мир земной будет представлять Россия и Петербург: *Прощай, земля! // Прощай, Россия! // Прощай, прекрасный Петербург!* [Хармс 2015: 472]. В Петербурге же Николай II оставит Ломоносова, Суворова, Кутузова, присутствие которых в одно время с Николаем показывает временной сдвиг, т.е. «прошлое», а значит, он сам в пьесе есть «настоящее». Отметим, что полет героя не состоится, потому что «царица», именуемая в этой драме по-настоящему Александрой Федоровной, хочет войти в комнату и просит открыть дверь, а после интересуется, что царь мог делать у окна. В «Комедии города Петербурга» Николай II также собирается исчезнуть и прощается со страной: *прощай Россия! навсегда прощай! // Но нет я тут я тут как чорт иль печка // руби! стреляй и тысяча ник коли!* [Хармс 2015: 371].

В этом контексте необходимо рассмотреть влияние мотива перехода на развитие сюжета: запирающий дверь, никого не впускающий в пространство к себе, открывающий окно Николай II, а в «Комедии...» наоборот боящийся простуд через окно, пытающийся выбраться через дверь герой (*Закройте двери. Сквозняк невозможный. Царь простудится*), находится в пограничном пространстве и хочет совершить переход через окно или дверь (места для творчества Хармса значимые, определяемые исследователями в качестве мотивов), но в двух пьесах герой не может этого сделать. Думаем, что ответ на вопрос о невозможности перехода кроется в функционировании образа в качестве исторического, несмотря на демифологизацию и разрушение образа русского императора, показан он через безвыходность ситуации и будущую смерть, проигрыш.

Безусловно, пьеса, где действующих лиц всего четыре, показывающая зарисовку из будничной жизни «царя» и пьеса, связанная с перестройкой режима власти, содержащая оппозицию «Петербург/Ленинград» не соотносимы в своей проблематике, но обе содержат сниженный образ императора: Николай II врет (*Я протирал оконное стекло. // Оно немножко запотело, // а я подумал: дай протру* [Хармс 2015: 473]), лежит в кровати, спорит, бросает Россию и т.д. При этом в пьесах действия Николая II также противопоставлены действиям

остальных героев, т. к. он принадлежит миру «Петербурга», тому миру, где он «царь».

Подводя итоги, отметим, что мы можем сопоставлять две пьесы по следующим критериям: игровая составляющая в репликах героев, алогичность повествования, отсутствие афиш, большого количества ремарок, а также мотивная составляющая – мотивы перехода, окна, двери, раскрывающие образ Николая II, исторического персонажа, влияющего на развитие сюжета произведения, при этом герой является частью петербургского мифа, определяет хронотоп пьес, а также контекст, помогающий восприятию еще на этапе прочтения номинации. Образ Николая II в обеих пьесах будет демифологизирован, заглавный герой, именующий себя «царем», позволяет реализоваться оппозиции «прошлое/настоящее», характерной для функционирования петербургского текста, а также оппозиции «небесное/земное».

Литература

Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 332 с.

Бочаров С.Г. Характеры и обстоятельства // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., 1962. 452 с.

Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 223 с.

Друскин Я.С. Дневники. СПб.: Академический проект, 1999. 604 с.

Кувшинов Ф.В. Художественный мир Д.И. Хармса: структурообразующие элементы логики и основные мотивы: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004.

Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

Саблина Е.Е. Поэтика Д. Хармса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 172 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.

Хармс Д.И. Полн. собр. соч. СПб.: Азбука; Азбука-Атикус, 2015. 1152 с.

Чернец Л.В. О типах персонажей в русской литературе XIX века: монография. М: МАКС Пресс, 2018. 212 с.

Чернец Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. Т. 24. № 4 (24). С. 8–16.